

УДК 177.7:141.72

UDC 177.7:141.72

**ПРОБЛЕМА РЕАЛИЗАЦИИ
ПРИНЦИПА НЕНАСИЛИЯ
В КОНТЕКСТЕ ИДЕИ
С. ДЕ БОВУАР****PROBLEM OF REALIZATION
OF NON-VIOLENCE PRINCIPLE
IN THE CONTEXT
OF S. DE BEAUVOIR'S IDEA**

А. С. Лепина,
аспирант кафедры
культурологии БГУКИ

H. Lepina,
Postgraduate Student of the Department
of Cultural Studies, BSUCA

Поступила в редакцию 10.01.22.

Received on 10.01.22.

В статье акцентируется внимание на фундаментальном рассмотрении проблемы реализации принципа ненасилия в отношении женщин с позиции С. де Бовуар. Определяются характеристики насилия и ненасилия, а также условия для их выявления, обуславливается необходимость рассмотрения культурного аспекта проблемы насилия, а также раскрываются особенности положения женщин в современном обществе. Научная новизна заключается в новом ракурсе рассмотрения вопроса и освещении нового культурного аспекта проблемы. В результате исследования была определена необходимость выявления экзистенциальной структуры насилия для последующей реализации принципа ненасилия.

Ключевые слова: принцип ненасилия, насилие, моральное равенство, этические ценности, гуманность.

The article accentuates the attention on the fundamental consideration of the problem of realization of non-violence principle to women from the point of view of S. de Beauvoir. It defines the characteristics of violence and non-violence as well as the conditions for their revelation, conditions the necessity of considering the cultural aspect of violence problem and reveals the features of women's position in the modern society. The scientific novelty consists in the new viewpoint of considering the issue and interpretation of a new cultural aspect of the problem. As a result of the research the necessity of revealing existential structure of violence for subsequent realization of non-violence principle was defined.

Keywords: non-violence principle, violence, moral equality, ethic values, humaneness.

Введения. В настоящее время вопросам осмысления и реализации принципа ненасилия отводится особое внимание. Такой порядок вещей обусловлен многочисленными попытками утвердить принцип ненасилия в качестве абсолютной моральной ценности и этического императива. Преобразование идеала современной культуры происходит в соответствии с гуманистическим постулатом, который, помимо всего прочего, подразумевает правовое и моральное равенство всех индивидов. Несмотря на то что вопросам права надлежит быть разрешенным в русле гуманистической системы ценностей, установки этического и культурного характера все еще остаются не до конца адаптированными под новые гуманистические ориентиры современного западного общества. Юридические предписания обладают достаточной четкостью и устойчивостью, позволяя законодательной системе закрепить равнозначный статус за всеми членами общества, однако их притязания ограничены исключительно формальными полномочиями. В современном обществе по-прежнему существует большой пласт проблем, связанных с разного рода дискриминацией, что не позволяет говорить о моральном равенстве всех фигурантов общественной жизни. Одним из самых акту-

альных вопросов, связанных с проблемами данного порядка, является вопрос о равенстве полов в социальной жизни. В настоящее время постановка и рассмотрение данного вопроса является одной из первостепенных задач, для разрешения которой необходим анализ социальных явлений, в основе которых наблюдается гендерное неравенство. В наибольшей степени проблемой насилия в отношении женщин озабочены представители феминистского движения, деятельность которых классифицируется в зависимости от избранного подхода в понимании сущности данной проблемы.

Основная часть. Одним из самых существенных достижений в истории феминизма является проведенный С. Де Бовуар детальный анализ феномена угнетения женщин на Востоке и Западе. Он становится началом концептуализации этой проблемы. Данная мыслительница по праву считается идеологом феминистского движения, внесшим значительный интеллектуальный вклад в развитие идеи правового и морального равенства женщин.

С. де Бовуар первой ставит вопрос, касающийся положения женщины в современном обществе и культуре. «Впрочем, есть ли вообще проблема? И в чем она заключается? А сами женщины есть?» [1, с. 7]. Автор смеща-

ет рассмотрение этого вопроса на фундаментальный уровень, где первым этапом является деструкция положений, конституируемых представлением о сущности женщины на протяжении многих веков. Анализируя все многообразие образов, представлений и взглядов относительно того, чем является существо женщины, она приходит к следующим выводам, впоследствии ставшим отправной точкой в общественных дискуссиях и социально-гуманитарных исследованиях по этой проблематике.

Во-первых, все дефиниции имеют прямую или косвенную отсылку к идее вечной женственности¹, прочно укоренившуюся в европейской культуре. Это идея, согласно которой существует некое высшее женское начало, преобразующее женское существо таким образом, что ему отводится отдельная роль в общей системе мироздания. В зависимости от понимания характера этой роли в каждой отдельной культурной эпохе общество располагалось судьбой женщин тем или иным образом.

С. Де Бовуар утверждает неприемлемость подобного концептуализма, отстаивающего вечные неизменные сущности, т. к. такая позиция является догматичной и в целом морально устаревшей. В данном случае неприемлемость идеи *вечной женственности* не означает отрицание всего женского или отсутствие необходимости постичь разницу между женским и мужским. «Сегодня женственности нет потому, что ее не было никогда. Значит ли это, что слово “женщина” лишено всякого содержания?» [1, с. 7]. Напротив, это является свидетельством появления нового ракурса рассмотрения проблемы гендерной идентификации. «В самом деле, достаточно пройтись по улице с открытыми глазами, чтобы убедиться: человечество делится на две категории индивидов, явно отличающихся друг от друга одеждой, лицом, телом, улыбкой, походкой, интересами, занятиями; быть может, эти различия поверхностны, быть может, им суждено исчезнуть» [1, с. 8].

¹ В религиозно-философской метафизике В. С. Соловьева представления о вечной женственности восходят к идее постижения верховных начал бытия. Сам процесс мировой истории заключается в реализации и воплощении вечной женственности в различных ее формах. Это обусловлено пониманием мира как внутреннего соотношения с Богом. Категория женственности понимается В. С. Соловьевым как связующее начало, условие, обобщающее возможность богочеловеческого единства. Он провозглашает ее единственно возможным предметом любви, лучи которой человек может встретить в действительности. Поэтическим идеалом вечной женственности для В. С. Соловьева является пантеистически понимаемая София. Однако С. де Бовуар использует термин *вечной женственности* в более широком значении, понимая под ним культурно и исторически обусловленный миф, постулирующий принципиальные различия мужчин и женщин в социальной сфере. Она стремится деконструировать представления о женщине, сложенные под влиянием патриархальной культуры.

Во-вторых, во все культурные эпохи экспликация характеристик и свойств женщины неизбежно влекла за собой социальное ограничение тех или иных ее притязаний. Именно поэтому в качестве фундамента, на основании которого С. де Бовуар выстраивает все последующие суждения, выступает утверждение «Я – женщина», используемое в негативном смысле. Оно представляет собой конструкт, вбирающий в себя смысловые последствия предшествующих интеллектуальных разработок, социальных практик и культурных норм. Таким образом, под *женщиной* понимается отрицательное начало, обладающее ограниченными и ограничительными свойствами. Данное начало мыслится в догматической вертикали, где абсолютный человеческий тип – тип мужской. Женское начало понимается как ограниченное, замкнутое в своей субъектности, препятствующее нормальному построению связи с миром и его истинному постижению – объективному. На взгляд Аристотеля женщина является женщиной оттого, что она лишена определенных качеств [2, с. 62–66]. Или, при более радикальном подходе, как у Ф. Аквинского, и вовсе понимаемая как *неудачный мужчина* или *случайное существо* [3, с. 266–273]. Речь идет о том, что представители мужского пола определяют женщину не как таковую, а в соотношении с собой, т. е. не рассматривают ее как автономное существо. Ж. Мишле и вовсе пишет о женщине как о *существо относительном* [4, с. 201–210]. А. Шопенгауэр определяет женщину как *род промежуточной ступени* между ребенком и мужчиной, где последний определяется человеком как таковым [5, с. 474–485]. Эти и другие мыслители, рассуждающие в подобном ключе, отстаивали расхожие взгляды своего времени, проясняя положение женщины в той мере, в которой предполагал контекст рассматриваемого ими в тот момент вопроса.

В-третьих, позиция, на которой находится женщина на протяжении всего своего существования, распознается С. де Бовуар как позиция *Другого*. «Женщина определяет себя и свою особость относительно мужчины, а не мужчина относительно женщины; она – несущностное в сравнении с сущностным. Он – Субъект, он – Абсолют; она – Другой» [1, с. 9]. И уже сам факт нахождения на данной позиции констатируется как проблема.

Несколько схожая идея развивалась Э. Левинасом, который первым отметил, что пол – это не парность взаимодополняемого, т. к. взаимодополняемость предполагает предсуществующее целое. Женщина и мужчина предполагают различие иного порядка, где женщина является *Другим*. «Это термин того же ранга, что и сознание, но противоположного смысла» [6, с. 96].

Что касается понимания структуры механизмов восприятия и мышления, то С. де Бовуар занимает точку зрения К. Леви-Стросса, согласно идее которого переход человечества от природного состояния к состоянию культуры определяется способностью человека осмысливать биологические связи как системы оппозиций, выраженные в виде дуализма. Например, таких как: чередование, противопоставление и симметрия, проявляющихся либо в четко очерченных, либо в расплывчатых формах и являющихся основополагающими, непосредственно данными фактами социальной реальности [7, с. 118–146].

Основанием для принятия такой точки зрения для С. де Бовуар послужила постоянно наблюдаемая в человеческой культуре враждебность одного сознания по отношению к иному сознанию. По мнению С. де Бовуар, сам миф вечной женственности своим истоком обязан изначально настроенному и враждебному отношению со стороны мужской половины человечества. «Вечная женственность» – эквивалент «негритянской души» и «еврейского характера» [1, с. 13].

Женственность всегда вбирала в себя те характеристики, которые таили в себе своего рода опасность для тех устойчивых контролируемых структур, что стремилась утвердить патриархальная культура. В такой культуре представители мужского пола полагали себя в качестве абсолютного субъекта. С. де Бовуар акцентирует свое внимание на исключительной патриархальности западных и восточных культур, диктующих статичные идеалы общественной жизни. Статичные идеалы общественной жизни базируются на рациональных и строгих логических основаниях, в которых нет места таинственности и непостоянству. Их воплощение демонстрирует всякое культурное наследие: от бытовых принадлежностей до традиций – все было направлено на упразднение мистической, скрытой сущности вещей и мира, на подчинение их воле субъекта. *Женственность*, с одной стороны, была свидетельством ряда социальных и даже онтологических дисфункций, но вместе с тем приобщала свою обладательницу к обратной, таинственной стороне мироздания, на укрощение которой были направлены все социальные силы. С. де Бовуар указывает на то, что обнаружение представителями патриархальных привилегий очередной загадки женской сущности неизбежно влекло за собой политическое, экономическое и культурное порабощение ее обладательницы. Иногда угнетение женской половины человечества приобретало максимально строгие формы. Например, как это произошло в Средние века. Женской природе приписывалась нечистота особой силы, а потому ее участь изначально предполагалась как

плачевная. Таким представлениям соответствовали должные карательные меры, которые рассматривались как исцеляющее благо. В самых щадящих своих формах стремление овладеть женской природой находит свое воплощение в архаичных культурах и напрямую соотносится с желанием овладеть землей, подчинив ее плодородие своим интересам. В данном случае плодородная сила земли и женщины уравниваются по своей сути и в одинаковой мере попадают под патриархальные притязания на контроль такой созидательной способности. Несмотря на то что в мистическом плане земля принадлежала женщинам, которые обладали одновременно религиозной и правовой властью над ней и порождаемыми ею плодами в силу сущностного родства, над самой женщиной всегда тяготела власть мужчины. «Постольку, поскольку женщина рассматривается как абсолютный другой, то есть – несмотря на всю свою магию – как несущественное, ее никоим образом невозможно считать другим субъектом» [1, с. 56].

По мнению С. де Бовуар такой порядок вещей обусловлен экзистенциальной структурой, в соответствии с которой субъект полагает себя только через противоположение. «Категория Другого изначально, как само сознание» [1, с. 9]. Именно женщина и оказывается тем *Другим*. Жизнь человека в обществе не характеризуется экзистенциальной солидарностью. Без противопоставления себя другому не мыслима ни одна человеческая культура. «Инаковость – одна из базовых категорий человеческого мышления» [1, с. 9].

Поэтому проблема заключается не в биологическом факте, в соответствии с которым происходит разделение полов. И не в том, что пара является основополагающей единицей, где каждая из половин прикована к другой. Проблема заключается в том, что женщина является *Другим* внутри единого целого, а мир не принадлежит на равных обоим полам. Упразднение женского естества продиктовано корыстным интересом мужской половины человечества, стремящейся установить свою власть над миром.

Одним из важных этапов в утверждении такой власти стало возведение своей половой привилегии в ранг морального и, как следствие, юридического права, что позволило увековечить такой порядок вещей вплоть до XVIII в., прежде чем люди глубоких демократических убеждений начали рассматривать этот вопрос объективно. И если относительно второго статуса все предрассудки спустя два столетия оказались с большего развеяны, то относительно первого дела обстоят не так однозначно. По сей день женщины уступают в социальном превосходстве мужчинам, их положение открывает перед ними меньше воз-

можностей. «Но уникальность положения женщины заключается в том, что ее положение было продиктовано тем, кто утвердился как единственно сущностный и отверг всякую свою относительность применительно к корреляту, определив его как чистую инаковость» [1, с. 10].

В подтверждение особенности дискриминации женщин можно привести еще и следующие аргументы. Несмотря на формальное сходство с иными ситуациями в истории, когда одной категории людей удавалось установить абсолютное господство над другой, нельзя среди них найти ни одного аналога женскому насильственному подчинению. Эти ситуации не совпадают по многим показателям.

Нельзя сравнить подчинение женщин с известным подчинением темнокожих. Это пример того, как большинство навязывает меньшинству свой закон или подвергает его угнетению. Женщины не являются меньшинством. Их численность на земле не уступает численности мужчин.

Вторым несопадением выступает отсутствие предшествующей независимости и автономии двух категорий людей, чья судьба изменилась в результате какого-либо исторического события. «В таких случаях у угнетенных было некое прежде: они имеют общее прошлое, традицию, иногда религию, культуру» [1, с. 10].

Вместе с тем нельзя провести аналогию между положением женщин и пролетариата. Пролетарии также не были численным меньшинством и отдельной общностью, но формирование их как класса стало следствием череды определенных исторических событий и характеризуется определенным этапом экономического развития. Женщины же существовали всегда, если подразумевается под всем *женским*, кроме всего прочего, хотя бы физиологическое строение. Появлению женщин не предшествовал никакой процесс становления, а их зависимое положение исходно, оно не стало следствием какого-либо исторического события или развития.

Еще более насущной чертой, описывающей уникальность проблемы, сложившейся вокруг вопроса о том, что есть женщина, является отсутствие полагания самими женщинами себя в качестве подлинного субъекта. «Пролетарии говорят “мы”. Негры тоже. Полагая себя как субъектов, они делают буржуазию и белых людей “другими”. Женщины не говорят “мы” – разве что на каких-нибудь съездах, то есть в рамках абстрактных демонстраций; мужчины говорят “женщины”, и женщины обозначают самих себя теми же словами; они не полагают себя как подлинного субъекта» [1, с. 10]. По этой причине связь между женщиной и ее угнетателем нельзя сопоставить ни с какой другой. Мужчина конституирует женщину как Другого, невольно увлекая женщину соучастием. Связь

между ней и ее угнетателями оказывается исключительно тесной.

Таким образом, отстаивание женщинами себя как субъекта невозможно, т. к. для этого у них не имеется ни конкретных средств, ни своего прошлого, ни трудовой солидарности или общих интересов, ни территориальной скученности. Их отягощает вынужденная связь с мужчинами, подкрепляемая социальным положением и экономическими условиями. Весь социально-политический порядок выстроен таким образом, чтобы продолжить закреплять за ними роль *Другого*. И даже несмотря на то что к настоящему моменту права за женщинами теоретически признаются, они в силу долгой культурной привычки не получают конкретного воплощения в повседневной жизни. Они по-прежнему обделены таким важным полномочием, как авторитет, который традиционно достается мужской половине человечества: настоящее неизбежно включает в себя прошлое, а в прошлом историю создавали исключительно мужчины. «В момент, когда женщины начинают участвовать в освоении мира, этот мир еще по-прежнему принадлежит мужчинам; мужчины в этом не сомневаются, а женщины почти не сомневаются» [1, с. 70]. Другими словами, мужчина, конституирующий женщину как Другого, находит в ней понимание и соучастие до тех пор, пока сама женщина, за неимением конкретных средств и сознательной эмоциональной вовлеченности в проблему своего положения, не отстаивает себя как субъекта.

В таких условиях постановка и разрешение проблемы ненасилия усложняется. Кроме справедливо утверждаемой моральной неприемлемости любых форм угнетения и узурпации свободы возникает еще одна не менее важная моральная констатация. Речь идет о *бытийном статусе* морального права, для подлинного понимания которого следует провести ряд разъяснений.

Если моральное право, недостаток которого наблюдается у женской половины человечества, есть право, отстаиваемое в контексте экзистенциальных значений, то оно приобретает свой собственный *бытийный* статус. Обладание моральным правом означает определенный способ бытийствования: быть – это стать, это быть сделанным таким, каким субъект является себя. Само понятие *Другого* не является абсолютным. Его относительность обнаруживается при рассмотрении соотношения двух групп или индивидов, где каждый полагает иного в качестве *Другого*. Из этого и проистекает признание обоюдного характера таких отношений. И только в такой ситуации возможно признание морального равенства двух групп или двух индивидов. Но на основании вышесказанного следует заметить, что в случае с женской половиной человечества полагание

происходит в одностороннем порядке. Т. е. будучи полагаемой в качестве *Другого* женщина соглашается на эту роль, не производя со своей стороны ответного полагания. Может ли такая односторонность служить этическим оправданием роли *Другого*? Или же в ней заключен факт узурпации свободы воли? Исходя только лишь из одних современных гуманистических идеалов нельзя дать однозначный ответ на эти вопросы [8, 9]. Прежде необходимо признать их экзистенциальный характер и вместе с тем признать саму идею гуманности чем-то большим, чем просто аксиологической системой координат. В репрезентации гуманности нельзя ограничиться прямым указанием на неприемлемость тех или иных феноменов культуры в их социальном значении. Такой подход не приведет к плодотворному результату ни в прикладном русле, ни на уровне концептуальных построений. Классификация социальных явлений на основании только лишь одних эмпирических данных ни в какой мере не приведет к пониманию сущности проблемы насилия и, как следствие, к ее решению.

Заключение. Таким образом, нельзя дать однозначной моральной оценки ситуации, в которой находится *Другой*, именуемый женщиной. Во всяком случае, находясь на актуальной для современного общества позиции. Гуманистический идеал представляет собой совокупность ценностей современной культуры и тождественен ее социально приемлемым формам. Нельзя с твердой уверенностью вычитать из ныне существующих форм гендерного неравенства факт дискриминации как таковой до тех пор, пока под самой гуманистической позицией не будет подразумеваться конкретная экзистенциальная структура. В настоящее время в вопросе равенства полов превалирует несущностное рассмотрение. Такое, которое уподобляется процессу рассмотрения вопросов юридического равенства с перенятием характерной для него процедурально-

сти в разрешении вопросов о моральном равенстве. И если юридическому вопросу о равенстве не свойственно находиться в противоречии с единой законодательной системой, которая представляет собой единое значимое настоящее, то в отношении морального вопроса о равенстве нельзя судить о какой-либо единой сопричастности. Гуманистическая идея произрастает на враждебной почве – культуре насилия, производящей сложные условия для становления новой морали.

Постановка вопроса о моральном равенстве необходимо влечет за собой постановку вопроса о роли того культурного опыта, который предшествовал становлению современных форм полового неравенства. Вместе с тем невозможно провести черту между существенно значимым опытом и тем, который не является актуальным при рассмотрении вопросов данного порядка. Обращаясь к успеху юридической практики, невозможно с тем же успехом проделать все те же процедуры, но только применительно к вопросам иного порядка. Моральная программа по преодолению гендерного неравенства должна повлечь за собой позитивный план действий, однако он может быть успешным только в той мере, в которой соотносится с выявленной экзистенциальной структурой. Современная гуманистическая идея в данный момент не обладает необходимым достаточным основанием для объяснения сущностного положения женщины в современном обществе. Ее программа направлена на преодоление насильственных практик, однако их структура остается нераскрытой. Фундаментальные идеи С. де Бовуар не нашли своего развития в других интеллектуальных разработках. Тем не менее наследие С. де Бовуар послужило толчком к возникновению иных подходов к пониманию проблемы насилия в отношении женщин, внутри которых находятся отсылки к ее второстепенным, нефундаментальным идеям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Де Бовуар, С. Второй пол / С. де Бовуар. – М. : Прогресс, 1997. – 832 с.
2. Аристотель. Политика / Аристотель. – М. : Эксмо, 2015. – 157 с.
3. Аквинский, Ф. Сумма Теологии / Ф. Аквинский. – Киев : Эльга, Ника-Центр, 2005. Ч. 1. – 576 с.
4. Мишле, Ж. Ведьма. Женщина / Ж. Мишле. – М. : ЭКСМО-Пресс, 2007. – 496 с.
5. Шопенгауэр, А. Собрание сочинений / А. Шопенгауэр // Соч. : в 6 т. – М. : Республика, 2011. – Т. 5. – 527 с.
6. Левинас, Э. Время и Другой / Э. Левинас. – СПб. : Высшая Религиозно-Философская Школа, 1999. – 264 с.
7. Леви-Стросс, К. Структурная антропология / К. Леви-Стросс. – М. : Наука, 1985. – 399 с.
8. Куртц, П. Запретный плод: этика гуманизма / П. Куртц. – М. : Рос. Гуманист, 2002. – 222 с.
9. Куртц, П. Мужество стать: добродетели гуманизма / П. Куртц. – М. : Рос. Гуманист, 2000. – 160 с.

REFERENCES

1. De Bovuar, S. Vtoroj pol / S. de Bovuar. – M. : Progress, 1997. – 832 s.
2. Aristotel'. Politika / Aristotel'. – M. : Eksmo, 2015. – 157 s.
3. Akvinskij, F. Summa Teologii / F. Akvinskij. – Kiev : El'ga, Nika-Centr, 2005. Ch. 1. – 576 s.
4. Mishle, Zh. Ved'ma. Zhenshchina / Zh. Mishle. – M. : EKSMO-Press, 2007. – 496 s.
5. Shopengauer, A. Sobranie sochinenij / A. Shopengauer // Soch. : v 6 t. – M. : Respublika, 2011. – T. 5. – 527 s.
6. Levinas, E. Vremya i Drugoj / E. Levinas. – SPb. : Vysshaya Religiozno-Filosofskaya Shkola, 1999. – 264 s.
7. Levi-Stross, K. Strukturnaya antropologiya / K. Levi-Stross. – M. : Nauka, 1985. – 399 s.
8. Kurtc, P. Zapretnyj plod: etika gumanizma / P. Kurtc. – M. : Ros. Gumanist, 2002. – 222 s.
9. Kurtc, P. Muzhestvo stat': dobrodeteli gumanizma / P. Kurtc. – M. : Ros. Gumanist, 2000. – 160 s.